

Относительная хронология основных фонетических изменений в истории верхнелатышского диалекта

Илья А. СЕРЖАНТ

Lietuvių kalbos institutas

The present article deals with the sound changes that occurred in High Latvian after the split of Proto-Latvian into dialects. The basic aim was to establish a relative chronology for all of them; it is presented in tabular form at the end of the article. A corollary to our conclusions is that the view advocated by Lelis and Breidaks, according to which High Latvian constitutes an independent branch of East Baltic alongside Lithuanian and Latvian, must be rejected: all sound changes characteristic of High Latvian are best explained starting out from Proto-Latvian.

The details of several sound changes are clarified, e. g., it is shown that High Latvian has gone through four independent processes of metaphony, of which the 1st and 3rd have hitherto been treated as one in the literature.

Finally, Breidak's assumption of a Selonian substratum in the Lithuanian dialects of the Kupiškėnai and Anykštėnai is reformulated in some respects.

0. ПРЕДИСЛОВИЕ¹

0.1 Цель данной работы – «привязать» фонетические переходы друг к другу, в идеальном случае устанавливая и *terminus ante quem* и *terminus post quem*, таким образом точно фиксируя последовательность фонетических изменений в истории верхнелатышского диалекта. К сожалению, для некоторых процессов такой полной точности добиться не удалось, однако, для всех процессов удалось определить хотя бы одну такую границу. Польза такой относительно-хронологической цепочки вряд ли может быть преувеличена. Имея такую цепочку мы можем:

1) во-первых, показать, какие фонетические процессы явно поздние, а какие восходят к самому древнему этапу развития, а какие, возможно, являются

¹ В первую очередь хотелось бы высказать огромную благодарность сотрудникам отдела диалектологии Института Латышского Языка Анне Стафецкой (Anna Stafecka) и Эдмунду Трумпе (Edmundas Trumpa), которые уже в который раз очень помогли, предоставив доступ ко всему диалектологическому материалу, а также ценными советами по содержанию и в поиске литературы. Я также очень благодарен Рикку Дерксену (Rick Derksen) за согласие просмотреть работу, за его критику и обсуждение данной работы, а также петербургским коллегам Анне Даугавет и Алексею Андронову.

архаизмами, унаследованными из праязыка и сохранившимися именно в исследуемом диалекте;

2) во-вторых, такая цепочка имеет большую доказательную силу при поиске языков, оказавших влияние на исследуемый диалект, т. к., если нам удастся установить в контактирующем языке аналогичные группы звеньев данной цепочки, мы можем смело говорить о тесном контактном влиянии данных двух языков друг на друга, исключая возможность совпадения, что дает немалые возможности для дальнейших выводов;

3) в-третьих, установление относительно-хронологической цепочки позволяет проверить еще раз предложенные варианты развития отдельных процессов, а также в некоторых случаях исключить варианты, не укладывающиеся в какую-либо относительно-хронологическую цепочку.

0.2. Основными работами по истории верхнелатышского диалекта являются работы Антона Брейдака (наиболее полная его неопубликованная диссертация – Breidak 1989) а также большой материал, содержащийся в грамматике латышского языка Яниса Эндзелина (Endzelins 1951). Однако обе работы, несмотря на их большую ценность, имеют некоторые недостатки/ недоработки. В частности, работы Брейдака несколько предвзяты в том плане, что для него верхнелатышский диалект (по его терминологии Латгальский племенной язык) развился непосредственно из восточнобалтийского праязыка (Брейдак 1989: 6). Многие данные верхнелатышского диалекта в связи с этим «наильно» интерпретируются как архаизмы, из-за чего получающаяся в результате относительная хронология иногда неправильна. Как показывают результаты проведенной нами работы, данное предположение остается, по крайней мере, недоказанным. Тем не менее, работы Брейдака представляют для исследователя колоссальную ценность, поскольку в них содержится очень большой диалектологический материал, который отобран из описаний говоров разного качества и проверен. Многие объяснения, предложенные Брейдаком, были переняты и использованы в данной работе.

Сложность в изложении Эндзелина заключается в том, что верхнелатышскому диалекту не была посвящена отдельная глава, а верхнелатышский материал был размещен (согласно концепции книги

диахроническое рассмотрение вопроса, который далее уже рассматривается не объективно. Важно, однако, отметить, что многие аргументы, использованные Брейдаком в его работах, появляются уже здесь, например, такие топонимы из Хроники Генриха Латвийского, как *Tholowa*, *Kukenoys* (Lelis 1961: 142, ср. Брейдак 1989: 144), а также финск. *juutas* „черт“ и лит. *juodas* (Lelis 1961: 144, ср. Брейдак 1989: 149) для датировки переходов $*\bar{o} > uo > \bar{u}$, $*a > o$, $*\bar{a} > \bar{o}$.

Естественно, что вышеизложенные аргументы не имеют целью обесценить эти работы, а предназначены лишь показать необходимость корректировки многих моментов верхнелатышской исторической фонетики.

1. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ГЛАСНЫХ: ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1.0.1. Общие предпосылки

Используя тот факт, что фонемы в верхнелатышском языке, изменяясь, не совпали, при том, что результаты переходов в некоторых случаях по своим фонетическим характеристикам совпадают с исходными фонетическими характеристиками других фонем в других переходах, мы можем сделать вывод, что эти фонетические изменения происходили не одновременно. Развивая это предположение, в конечном итоге мы приходим к определенной временной последовательности переходов, которая может быть составлена *только* в данном порядке, т. к. иначе были бы неизбежны совпадения.

Учитывая постепенность фонетических переходов, такой временной последовательностью / относительно-хронологической цепочкой мы можем только обозначать начала переходов, а не всю их полноту. Так, например, понятно, что дифтонгизация $\bar{i}$ и $\bar{u}$ началась раньше, чем сужение $*\bar{e}$ и $*\bar{o}$, однако недоказуемо было бы утверждение, что процесс дифтонгизации именно завершился до начала процесса сужения, поскольку для того, чтобы эти фонемы не совпали, минимально необходимым является именно предположение, что первый процесс начался раньше второго. Именно так следует понимать установленную нами в результате относительно-хронологическую последовательность в § 3.1.

В тех случаях, где в материале нет указаний на противное, все фонетические переходы в указанных рамках рассматриваются нами (а также и большей частью других исследователей) как **целостные и непрерывные** процессы.

1.0.2. Краткие / Долгие гласные

В данной работе для некоторых пралатышских фонем, отличающихся только лишь по признаку количества (напр. $*a$ и $*\bar{a}$), представляется разумным совместное рассмотрение их изменений, а также приблизительно одинаковая относительно-хронологическая датировка. Необходимыми для этого условиями мы считаем следующие:

– среди всего диалектного материала нет указаний на то, что условия для прохождения обсуждаемого фонетического перехода для краткого и долгого коррелятов разные;

– данный переход имеет одинаковый фонетический характер для краткого и долгого коррелятов (например, лабиализация);

– географические районы распространения данного перехода для краткого и долгого коррелятов совпадают.

Аналогично нами не рассматриваются отдельно фонетические переходы определенной фонемы при, например, восходящей и, отдельно, при нисходящей интонациях, если все 3 указанные выше условия выполняются.

1.0.3. Праверхнелатышская Восходящая или Прерывистая интонация²

Для начала следует еще оговорить вопрос о праверхнелатышской интонации, восходящей к безударному акуту в прабалтийском, на месте которой сегодня в большей части селонских говоров присутствует восходящая, а в остальных же говорах верхнелатышского диалекта прерывистая интонация. Я не хотел бы обсуждать здесь ее конкретную тоническую форму, однако ясно, что до всех обсуждаемых здесь переходов это была одна и та же интонация на всей территории верхнелатышского диалекта. Ее расщепление на восходящую в большей части (неглубоких) селонских говоров и на прерывистую в остальных говорах произошло, по всей вероятности, относительно поздно, и скорее всего, после обсуждаемых здесь переходов, в фонетическом условии которых была интонация. Об этом косвенно свидетельствует такой факт: в тех переходах, где интонация обсуждаемого гласного или дифтонга играла роль, материал показывает, что данные гласные или дифтонги с нынешней восходящей интонацией вели себя абсолютно так же, как и гласные или дифтонги с нынешней прерывистой интонацией. А раз обе эти интонации фонологически вели себя полностью одинаково, можно предположить, что и фонетически они были или идентичными или очень схожими по своим просодическим качествам. В пользу единой интонации в этой позиции во всем верхнелатышском диалекте свидетельствует к тому же и диссимилиация интонаций, которая работает одинаково и для восходящей и для прерывистой интонаций (Seržants 2003: 95–96), а также специфика продления гласного перед тавтосиллабическим *-r-*.³

² Здесь и далее следуя традиции, установившейся в балтистике я использую термин *интонация* вместо термина *тон*

³ Продление перед тавтосиллабическим *-r-* не происходило при прерывистой и восходящей интонации, ср. Endzelīns (1951: 150–151).

2. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ГЛАСНЫХ: РАССМОТРЕНИЕ ПЕРЕХОДОВ В ОТДЕЛЬНОСТИ

2.1. $ei > ei > ai$

В большей части говоров мы имеем только $ei > ei$. Переход $ei > ei > ai$ в некоторых отдельных областях на юге Даугавпилского района: Aiviekste₃₄₉, Kalupe₄₄₅ и Līksna₄₅₀, южная часть Krāslava₅₀₆ (Rūķe 1939: 150). Принимая во внимание, что ei из i данным процессом не был затронут, а только лишь исконный ei перешел в ei (или ai), мы предполагаем, что этот процесс начался до перехода $i > ei$, например, Kalupe₄₄₅ (Reķēna 1962: 20, 28): *maīta* (< *meita*), *bāikt* (< *beigt*) но *vēirs* (< *vīrs*), и, вероятно, ранее был распространен на большей территории.

2.2. Продление кратких i перед j и u перед v

2.2.0. Этот незначительный фонетический процесс важен для уточнения относительной хронологии, поскольку он однозначно предшествует дифтонгизации долгих i и u , ср. дальнейшее развитие данных сочетаний $*uv > \bar{u}v$ (> *ouv* > *ov* / > *yuv* > *yv*); $*ij > \bar{i}j$ (> *eij* > *ej*). Как отмечает Эндзелин (Endzelīns 1951: 146–147), $\bar{i}j$, $\bar{u}v$ встречается еще в старолатышских текстах.^{4,5} Также данная форма $\bar{i}j$ - или > $\bar{i}j$ - а также $\bar{u$

такими формами как *kiuļa*, *tiuļi* Lubāna⁴¹⁷ (Zirnītis 1937: 122), учитывая, что первое восходит к *kūja*, а второе к **tuvji*⁷.

Для сочетаний праверхнелат. **-ij-*, **-uv-* мы предполагаем одновременность развития, т. к. эти процессы аналогичны и полностью соответствуют друг другу в географическом распространении результатов перехода **-uv-* > *-ov-*, *-yv-*/*-iv-*, с той только разницей, что развитие **ū* (см. ниже §§ 1.3) после дифтонгизации **ū* > **ou* пошло дальше, развитие же **ī* в **-ij-* > **-ij-* остановилось на **-eij-* > *-ei-*.

Данный вывод очень интересен, поскольку исторически сочетания **uv*, **ij* и **ū*, **ī* восходят к одному и тому же прототипу, т. е. **ū* (более точно **uH*), **ī* (**iH*) перед гласным или согласным. Однако детали реконструкции должны рассматриваться в отдельной работе и в контексте работы Смочинского (Smoczyński 2000), тем более, что здесь возникают некоторые противоречия.

2.3. $\bar{u} > \bar{u}\bar{u} > ou > u\bar{u}, i\bar{u}, \bar{e}u, eu; \bar{i} > \bar{i}\bar{i} > e\bar{i} > ei$

2.3.0. Логично рассматривать переходы $\bar{u} > ou$ и $\bar{i} > ei$, как фонетически аналогичные (т. е. преломление) и поэтому, как и относительно-хронологически одновременные переходы. В пользу этого свидетельствует также одинаковая территория распространения этих дифтонгизаций (Breidak 1989: 176).

2

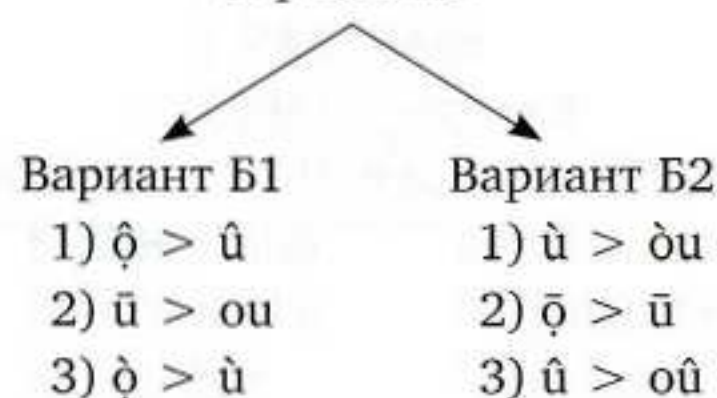
фонетического перехода в хронологическом и географическом отношениях является универсалией, этих примеров, естественно, статистически еще недостаточно.

2.3.2. Что касается первого шага (т. е. $\bar{u} > u$, $iu \Rightarrow * \bar{o} > \bar{u} / \bar{i} > ei \Rightarrow * \bar{e} > \bar{i}$, см. § 2.4), то здесь можно сказать, что эта относительная хронология действительна по всей территории верхнелатышского диалекта, за исключением района вокруг Даугавпилса и говора Mazlaicene₃₈₆ (Ābele, Lepika 1928: 24, 34; Breidak 1989: 139). На районе вокруг Даугавпилса я не буду останавливаться – здесь достаточно отметить, что тут сказывается очень сильное влияние литературного языка. Более интересная ситуация в говоре Мазлайцене, где переходы $* \hat{o} > o\hat{u} / * \hat{e} > e\hat{i}$ (только с прерывистой интонацией!) и $\hat{u} > o\hat{u} / \hat{i} > e\hat{i}$ (и таким образом совпадение древних $* \hat{u}$ и $* \hat{o}$, $* \hat{i}$ и $* \hat{e}$), а также в районе Beja₄₆₆ $* \hat{e} > e\hat{i}$ (ДА: 53., 55d). Здесь мы имеем различные рефлексy только древних $* \hat{o} / * \hat{e}$ и $* \hat{o} / * \hat{e}$. Учитывая тот факт, что с фонетической точки зрения маловероятно, что $* \hat{e}$, $* \hat{o}$ перешел как-то иначе в $e\hat{i}$, $o\hat{u}$, чем через $\hat{i}$, $\hat{u}$ (§ 1.3.1), возможно предположить два основных хронологических варианта развития:

Вариант А:

- 1) $\bar{u} > ou$
- 2) $\bar{o} > \bar{u}$
- 3) $\hat{u} > o\hat{u}$

Вариант Б:

($\bar{i}$, $* \bar{e}$, ei – аналогично)

Основная разница этих двух вариантов состоит в принятии (А) / непринятии (Б) повторного перехода $\hat{u} > o\hat{u}$ – первый раз совместно с $\hat{u} > \hat{o}u$ (пункт 1 варианта А) и второй раз (пункт 3) после перехода $* \bar{o} > uo > \bar{u}$, где вторичное $\hat{u}$ перешло бы в $o\hat{u}$ и таким образом совпало с древним $\hat{u}$.

При этом следует отметить, что дифтонгизация пралатышских $\bar{i}$ и $\bar{u}$ (т. е. $< *in, \bar{i}$ и $*un, \bar{u}$ соответств.), по-видимому, проходила независимо от интонации, т. к. ни в одном из говоров, затронутых этим процессом, интонация не играет роли. В связи с этим вариант Б2 становится маловероятным. Остаются два потенциально возможных варианта:

Вариант А:

- 1) $\bar{u} > ou$
- 2) $\bar{o$

(как в Мазлайцене) не произошло. Таким образом остается только вариант А, который предполагает повторную дифтонгизацию, уже при участии новых $\hat{u}$ (из $*\hat{o}$) и $\hat{i}$ (из $*\hat{e}$). Здесь достаточно предположение, что последний (3-ий) шаг, т. е. повторный переход $\hat{u} > ou$, не действовал по всей территории, а охватил лишь северо-восточную часть латгальских говоров.

2.3.3. Брейдак (Breidak 1989: 176) датирует дифтонгизацию $\hat{i}$ и $\hat{u}$ на основании написания латгальских топонимов в древних документах, датируемых между 1478 г. и 1519 г. Сюда же примерно относятся и многочисленные заимствования, относительно поздние, например, из немецкого, ср. *blòuz* „blūze“ (Skrīveri₃₄₅ Āboliņa 1928: 99) < нем. *Bluse*¹⁰, там же *vèins* „vīns“; *žēids* „žīds“ (Lejasciems₃₉₃ Ābele 1924: 46), *(s)kròuze* „krūze“ (Susēja₃₆₉ Āboliņa 1927: 139), *mašēina*, *avēiza*, *paradēiza* (Nereta₃₆₅, Meņģele 1939: 97), *dzeīpars* (Alūksne₄₆₅, Brencis 1914: 123). С прерывистой интонацией обычно заимствований не встречается. Здесь можно только привести в пример слова с суффиксом на *-neīca*³, где прерывистая интонация вторична¹¹ (напр. *bazneīca*, Seržants 2003: 101–102), из *Kalupe*₄₄₅ (Samuše 1938: 32–51), *Varakļāni*₄₂₆ (Latkovskis 1931: 100–123), *Cibla*₄₈₈ (Āboliņa 1926: 31–48), которые были заимствованы до этого перехода и таким образом доказывают, что переход $\hat{u} > ou / \hat{i} > ei$ очень поздний. *Terminus ante quem* представляют

вития групп праверхнелат. *-uv- и *-ū- в Aknīste₃₆₈ (Ancītis 1977: 88): *t'iuji* < **tuvji* но *šou̯t* „šūt“, *poū̯t* „pūt“, причем, как отмечает автор, в речи старого поколения также и *šyva*, *pyva* а также редко употребляющееся *šivēja* „šuvēja“. Из этих примеров видно, что некогда и здесь *-uv- перешел в -uv-, -iv-, а следовательно и *ū должно было быть *-u-/-iu-, так как развитие этих групп после *-uv- > *-ūv- было совместно (ср. §

*ō (< позднеиндоевр. *ō) еще не было дифтонгизовано. Аналогично окончание мн. ч. прилагательных -e (< -ē, ср. *baltī* (Zinkevičius 1966: 467) в говорах доуниинков должно восходить к *ē, а не к **ei¹².

2.4.2.2. Брейдак (1989: 139) утверждает, что в Мазлайценском говоре *eī*, соответствующее пралатышскому *ē и прабалт. (sic!) *ei сохранилось¹³, считая этот факт общим с жемайтскими гов

2.4.3. Итак, нами было доказано, что *eī* в Mazlaicene₃₈₆, Beja₄₆₆ на месте восточнобалт. **ē* (ДА: 53, 55d) вовсе не является архаизмом, а наоборот, результатом последнего этапа дифтонгизации в верхнелатышских говорах. Учитывая еще данные говоров Nereta₃₆₅, Sece₃₅₂¹⁴ мы можем с уверенностью постулировать следующую относительную хронологию дифтонгизации *ī* и *ū* и сужения **ē* и **ō*:

1) $\bar{u} > u\bar{u} (> ou) ((> yu, iu, \bar{a}u, eu))$	верхнелатышские говоры	Раньше
2) $*\bar{o} > u\bar{o} > \bar{u}$	латгальские говоры, глубокие селонские говоры, включая Nereta, Sece	
3) $*\bar{o} > \bar{u}o > \bar{u}$	латгальские говоры, глубокие селонские говоры, кроме Nereta, Sece	
4) $\bar{u}_2 > o\bar{u}$	говоры Мазлайцене и Бея	Позже

(ī, eī, *ē аналогично)

Естественно, что сегодняшнее географическое распределение данных этапов не должно быть исконным, вполне вероятно, что под влиянием литературного языка эта картина могла сужаться, не меняясь, однако, принципиально. Для нас наиболее важно, что она отражает относительную хронологию данных переходов. Также ясно, что процессы сужения и дифтонгизации исходили из (северо-)восточной части верхнелатышского диалекта, где они наиболее полно были реализованы – этапы 1–4.

2.4.4. Брейдак (1989: 148–150) приводит ряд прибалтийско-финских заимствований, в которых правосточнобалтийские **ē* и **ō* отражаются как *ī* и *ū* соответственно, которые должны

дело с исходными узкими $*\bar{e}$ и $*\bar{o}$, которые при заимствовании просто могли восприниматься носителями прибалтийско-финских языков как $\bar{i}$ и $\bar{u}$. Данный случай вообще очень типичен для Брейдака, который очень буквально воспринимает фонетическую форму заимствования в перенявшем языке, а также фонетическую форму написания топонимов в древних немецких, польских и русских грамотах.

б) Здесь возможны две интерпретации: 1) процесс сужения в северобалтийском языке происходил одновременно с латгало-селонскими говорами; 2) процесс сужения происходил на этапе северно-восточнобалтийского праязыка, из которого

2.5.2. Из следующих примеров видно, что продление *a* перед тавтосиллабическим *r* завершилось до процесса 1-ой перегласовки (ср. § 2.6.1.1) и до перехода $\bar{a} > \bar{o} > \bar{õ} > uo$ а также $a > o$, т. к. здесь перед палатальным гласным сохранился $\bar{a} < a$ (*a* не $< **o$) и именно только перед палатальным: в Beļava₃₉₄, Litene₄₇₂, Stāmeriena₄₀₂ (Zaube 1939: 121; Брейдак 1989: 182): *uorda* к *ārdīt*, *dùord* к *dārdiēt*, *vùortu* к *vārīt*. Следовательно, можно сделать вывод, что продление гласного перед тавтосиллабическим -г- в праверхнелатышском происходило одновременно с аналогичными процессами в остальных пралатышских говорах, хотя и в меньшей степени (т. е. только при нисходящей интонации), чем в ливонских говорах.

2.6. $\bar{a} > \bar{o} > \bar{õ} > uo$ / $a > o$, 1-ая Лабиализация

2.6.1. ОПИСАНИЕ ПЕРЕХОДА

Вообще говоря, все $*a > o$, $*\bar{a} > \bar{o} > \bar{õ} > uo$, которые сохранились после действия 1-ой палатальной перегласовки (§ 2.9.2.1), исключения составляют лишь односложные слова, в которых древний $*a$ сохранился (Endzelīns 1951: 118), ср. *kas*, *tad*, *kat*, *ka*, *ja* и др.

2.6.1.1. Переход $*\bar{a} > uo$

Важно отметить, что переход $\bar{a} > uo$ проходил этап $\bar{a} > *õ$

2.6.1.2.2. Эндзелин считает, что переход $*a > o$ в не первом слоге связан со вспомогательным ударением (Endzelīns 1951: 111). На наш взгляд, это в некотором роде вынужденное предположение, поскольку в словах *vosora*, *vokors* нет никаких причин, обуславливающих вспомогательный акцент (ср. Endzelīns 1951: 33). Мало того, по правилу, указанному Эндзелином, вспомогательное ударение в *vosora* даже невозможно, поскольку последние два слога имеют одинаковый размер, т. е. -кратк.-кратк. В такой ситуации по Эндзелину (там же) даже в случаях, где для вспомогательного ударения морфологически благоприятные условия (например, *nesiti*), вспомогательного ударения, тем не менее, нет, т. е. *nésiti*.

На наш взгляд, более вероятное следующее объяснение: качество неударного неконечного гласного (в непалатальном контексте) определяется качеством ударного гласного, т. е. при ударном *o*, *a*, *y*, *u* и соответствующих долгих, (*ei*), а также перед *-l-* мы имеем *o*. Ср. *soldonc*, *varonc* но *piēcīestanc* „tas, kas jāpiecieš“, *striķātanc* „tas, kas jāstriķē“ (Rudzīte 1964: 323); *vokors*, *vosora*, *žogota*, *žogors* (Reķēna 1962: 15), *drupona*, *Dyrvonc* (nom. prop.) (Reķēna 1962: 77) но *mīlašc* „mielasts“, *šķieržlacs* „ķirzaka“ (Reķēna 1962: 105–107).

2.6.1.3. Исключение, вызванное 1-ой верхнелатышской перегласовкой

В результате незатронутыми данным процессом остались древние $*a$ и $*ā$, находившиеся в условиях 1-ой верхнелатышской перегласовки в палатальном контексте. В ходе перегласовки (§ 2.9.2.1) все древние $*a/$

2.6 2. АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Для абсолютной хронологии (*terminus post quem*) можно привести заимствования с *a*, не содержащие перехода *a > o*, ср. *cars, tabaks, marka* (Alūksne⁴⁶⁵, Brencis 1914: 113). Однако для неударного слога в тех говорах, где **a > o* как в ударных, так и в неударных слогах, заимствования показывают, что данный переход довольно поздний: *Kalupe⁴⁴⁵ čučola* из «чучело» (Reķēna 1962: 374), т. е. здесь *e > a* а затем *a > o* в ударной же позиции <

ī ū ↑

ē ō ↑

ē ā

Таким образом с фонологической точки зрения вполне вероятно, что позднее **правосточнобалтийское** *ā могло быть несколько «сдвинутым» в сторону *ō, т. е. быть в большей или меньшей степени лабиализованным, например, в зависимости от диалекта или позиции в слове. Однако, как было сказано выше, это должно было быть связано с переходом правосточнобалт. *ō > *ō̯, т

– анаптический *i* не вызывает перегласовки *o* > ***a*, например, *kotris* (< *kotrs*, ср. среднелат. *katrs*, в *Alsviķa*₃₉₁, *Beļava*₃₉₄, *Litene*₄₇₂ (Zaube 1939: 120)), а другой палатальный гласный в слове с корневым *o* не встречается;

–аналогично и с другими, поздними *i*, например, *ostiņi* (< **ostuņi*, ср. среднелат. *astuoņi*), *oli* (переход *u*

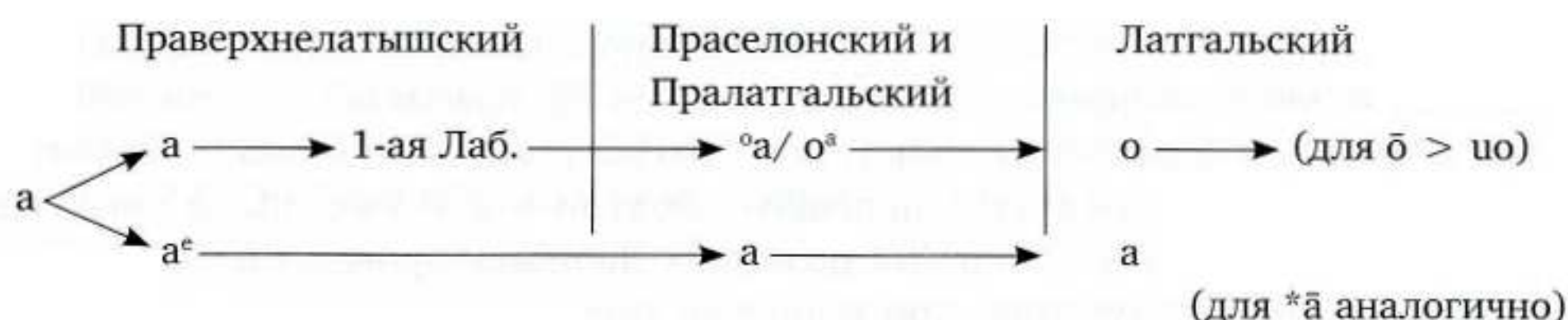
не важно. Однако и здесь можно предположить, что древний краткий **a* не поддавшийся 1-ой палатальной перегласовке (**a > *a^e*), был лабиализован, т. е. **a > *ā* и затем в центральной и южной Латгалии все неконечные **ā* перешли в *o* (тип *vokors*), а в остальной части Латгалии только тот **ā* проявился в *o*, который находился в ударной позиции (тип *vokars*). Так, кстати, можно объяснить и односложные слова, которые почти все имеют *a*, – большая часть из них – это клитики. Данный процесс лабиализации мы будем для краткости далее называть

после перегласовки фонетически довольно сильно отличались друг от друга, вследствие чего только лишь второй аллофон $*\bar{a}^o$ был подвергнут 1-ой лабиализации.

2.6.4.2. Совпадение результатов 1-ой перегласовки в селонских и смежных западнолатгальских говорах

В селонских же говорах и, очевидно, под их воздействием, в западнолатгальских, развитие пошло дальше. Очевидно, что процесс 1-ой верхнелатгальской перегласовки, ввиду его древности, и здесь тоже должен был иметь место. В пользу этого свидетельствуют, кроме того, сохранившее

с одной стороны, и селонских говоров с другой стороны, где $a/\bar{a}$ и $a^o/\bar{a}^o$ (из $*a/\bar{a}$) совпадают в $a^o/\bar{a}^o$, а $*e/\bar{e}$ становятся новыми $a/\bar{a}$ и далее они все по 2-ой лабиализации могут спорадически переходить в $o/\bar{o}$. По поводу того, что неперегласованные палатально аллофоны фонем $*a$ и $*\bar{a}$ далее развивались в a^o и $\bar{a}^o$ соотв., сомнений не возникает – именно в такой форме (т. е. a^o , $\bar{a}^o$ или o , $\bar{o}$) они появляется в современных селонских

$\bar{a}$ ⁴⁴ соответственно, в остальных позициях они перешли в $\bar{e}$, $\bar{e}/ie$, т. е. краткий $\bar{e}$ сохранился. Ареал действия 4-ой перегласовки составляет приблизительно юго-восточные глубокие латгальские говоры⁴⁵. Примеры рефлексов $*\bar{e}/*\bar{e}$ видны в следующей таблице, где нами собраны основные типы распределения результатов бывших $*\bar{e}$ и $*\bar{e}$:⁴⁶

Тип

